

Сторож рассказал, что прожил на этой горе всю жизнь, но поговорить с кем-то удавалось крайне редко. Он уже думал, что до самой смерти больше никого не встретит, но, к счастью, повстречал Юйчи и Гу Цзюэ.

Теперь он мог успокоиться. Жаль только, что зрение совсем ослабло — он видел лишь свет и тени. Если бы только удалось разглядеть их получше... быть может, они стали бы последними людьми, которых он увидел в своей жизни.

Под навесом хижины стоял небольшой квадратный стол и две лавки.

Сторож признался, что смастерил их сам еще в молодости, надеясь, что когда-нибудь кто-то присядет здесь побеседовать, но дожидаться этого так и не удалось. Люди внизу почитали богов и почти никогда не поднимались на гору.

— Помню, много лет назад приходил сюда один мальчуган, — рассказывал старик. — Казалось, он искал кого-то по имени Мин Цзэ, но я сказал, что не знаю такого.

В то время он еще видел. Мальчик был таким красивым, словно выточенным из нефрита. Старик побоялся, что ребенку будет неудобно спускаться одному, и проводил его.

Это был его первый спуск с горы. Проводив мальчишку до деревушки у подножия Утеса Одинокой Луны, он сразу вернулся обратно. А на столе его ждали кувшин вина, корзина яиц и много фруктов, на которых лежала веточка белой сливы.

— Думаю, это была милость Горного бога. А тот Мин Цзэ, которого искал мальчик, наверняка и есть сам Горный бог.

— Разве Горного бога зовут не Мин Цзэ?

Гу Цзюэ, подперев подбородок руками, сидел рядом с Юйчи и внимательно слушал рассказ сторожа.

Если подумать, тот мальчик, искавший Мин Цзэ, скорее всего, был Фэн Ую. Похоже, поиски Мин Цзэ тянулись у него с самых малых лет.

— Горного бога зовут не Мин Цзэ, его имя — просто Цзэ, — покачал головой старик.

В радиусе ста ли от Утеса Одинокой Луны всё находилось под защитой Горного бога, включая город Ясной Луны.

— Лет двадцать с лишним назад в стороне города Ясной Луны случилось доброе знамение: небо окрасилось золотом, защебетали сороки. Горный бог любит знамения. В тот год урожай в

городе был невероятно богатым — это была благодать, дарованная Горным богом, когда он остановился там.

Они долго слушали старика, а когда пришло время прощаться, тот никак не хотел их отпускать.

Они отошли на несколько шагов, но Юйчи, заметив недоуменный взгляд Гу Цзюэ, вдруг развернулся, вернулся к сторожу, взял его руки в свои и осторожно прижал к ним свое лицо.

— Теперь вы сможете запомнить, как я выгляжу?

Тело старика, согбенное годами, застыло. Дрожащими пальцами он принялся ощупывать лицо Юйчи. По его морщинистым щекам из мутных глаз покатались слезы — то ли от волнения, то ли от чего-то еще.

— Запомню, обязательно запомню, — прошептал он. — Очень красивый ребенок...

Гу Цзюэ последовал его примеру и тоже поднес руки старика к своему лицу. Он улыбался, и старик в ответ тоже заулыбался. К моменту расставания солнце уже клонилось к закату, и небо начало темнеть.

Силуэт старика утонул в тенях деревьев и растворился в сумерках.

После того как они покинули хижину, Юйчи не проронил ни слова. Неизвестно, о чем он думал — возможно, вспоминал старших в своем доме. Гу Цзюэ в этот момент тоже вспомнил бабушку, ту самую добрую и ласковую старушку.

Следуя указаниям сторожа, они без труда поднялись на вершину.

Когда они достигли пика, уже взошла луна. Серебристый свет залил землю, освещая пейзаж на вершине Утеса Одинокой Луны.

В центре находился глубокий пруд, а на его берегу росло огромное дерево белой сливы. Хотя сезон цветения уже прошел, дерево было усыпано цветами. Ветер подхватывал опадающие лепестки и уносил их в сторону города Ясной Луны.

Гу Цзюэ приложил руку к стволу, и дерево отозвалось мягким, теплым белым сиянием.

— В дерево влита демоническая сила.

Вот почему слива цветет круглый год, вопреки законам природы.

Под деревом стояли каменный стол и табуреты. Юйчи сел, глядя на луну. Рядом с каменным столом стояла стела с высеченными на ней словами: Пруд Ясной Луны.

Пруд Ясной Луны, Павильон Цзяюэ...

Похоже, этот Горный бог действительно Мин Цзэ.

— Ого, это еще что такое?!

Сзади раздался испуганный возглас Гу Цзюэ. Юйчи обернулся и увидел яркое пламя, взметнувшееся к небу и осветившее вершину утеса.

Гу Цзюэ бросился к нему, схватил за руку и потянул прочь, но Юйчи остановил его.

Он смотрел на огонь, и яркие сполохи отражались в его алых глазах, окрашивая их в кровавый цвет. Пламя, казалось, полыхало только над прудом, не трогая ничего вокруг — даже сливовое дерево осталось невредимым.

Юйчи нахмурился и протянул руку к огню. Пламя было яростным, но он почти не чувствовал жара, лишь видел, как устрашающе оно выглядит. В тот момент, когда он был готов коснуться его, Гу Цзюэ перехватил его руку.

— Ты что делаешь? Жить надоело? Руки лекаря разве не должны быть в сохранности? Или больше нечем будет выписывать рецепты?

В свете огня Юйчи заметил на руке Гу Цзюэ ожоги. Он перехватил его запястье, чтобы рассмотреть получше. Вся ладонь была обожжена. Достав из пазухи мазь, которой сам же недавно лечил Гу Цзюэ, он начал осторожно наносить ее на раны.

— Ты что, проголодался и решил устроить себе перекус?

— Откуда я знал, что стоит лишь приблизиться, как меня так сильно обожжет?

Юйчи на мгновение замер и спросил:

— Очень горячо?

— Конечно! Я даже сейчас, стоя здесь, чувствую этот обжигающий жар.

Юйчи перевел взгляд на бушующее над прудом пламя.

— А я совсем не чувствую жара.

Он быстро подошел к самому краю пруда и опустил руку в огонь. Он не получил ожогов. Раскрыв ладонь прямо в танцующих языках пламени, он обернулся к ошеломленному Гу Цзюэ.

— Оно теплое.

...

Они провели на вершине всю ночь, прижавшись друг к другу под сливовым деревом. Яркое пламя давно погасло, и их окутала густая ночная мгла, в которой они остались вдвоем.

Гу Цзюэ не боялся холода. Юйчи прислонился к нему, и Гу Цзюэ обнял его за плечи, притягивая ближе. Приятный холодный аромат стал еще отчетливее.

Он наклонился к шее Юйчи.

— Говорят, демоны могут совершенствоваться, питаясь плотью и кровью людей — быстро и удобно. Хочешь, укушу, попробуем?

Раздался голос Юйчи. Гу Цзюэ помедлил, затем, подавшись всем телом, обнял его за талию, уткнувшись лицом в изгиб шеи и касаясь ее губами.

— Правда? Разрешишь укусить?

— Правда.

Голос, прозвучавший у самого уха, был низким, словно шепот демона, соблазняющий совершить грех.

Юйчи, до этого прикрывший глаза, теперь открыл их. В его глазах вспыхнул темный красный свет, когда он взглянул на Гу Цзюэ. Он положил руку ему на голову и ласково взъерошил волосы, продолжая искушать:

— Кусай.

Гу Цзюэ приоткрыл рот и прикусил нежную кожу на шее Юйчи. Лишь на мгновение, едва коснувшись — быстро и легко, так что Юйчи даже не почувствовал боли.

Гу Цзюэ поднял голову, вглядываясь в лунном свете в шею Юйчи. На месте укуса остался лишь бледный след. Он провел пальцем по коже, и на белой шее выступило красное пятнышко.

— Остался след.

Он стоял на коленях между ног Юйчи, поглаживая этот отпечаток.

Юйчи положил руку ему на поясницу и, запрокинув голову, посмотрел в лицо Гу Цзюэ. Увидев его глаза, он приподнял уголки губ в беззаботной улыбке.

— Ничего страшного, ты укусил не сильно, скоро пройдет.

Гу Цзюэ надул губы, притянул Юйчи за шею и снова уткнулся в него. Ему безумно нравился аромат Юйчи — притягательный, наполненный неведомой опасностью.

— Ты такой ароматный.

Юйчи погладил его по затылку.

— Нравится?

Гу Цзюэ ответил:

— Нравится.

Не успел он договорить, как Юйчи, сжав его затылок, заставил поднять голову. Встретившись взглядом с этими манящими лисьими глазами, Гу Цзюэ замер, пока Юйчи медленно приближался.

— Насколько сильно нравится?

Они были совсем близко. Рука Юйчи все еще лежала на его затылке в двусмысленном жесте. Это ослепительно красивое лицо было прямо перед ним, а в глазах читалась усмешка. Подул ветер, срывая лепестки белой сливы, и Гу Цзюэ окончательно потерял голову.

Он смотрел прямо в эти глаза и произнес по слогам:

— Очень сильно...

Он услышал тихий смешок и широко распахнул глаза.

Его губ коснулось что-то прохладное, и в дыхании он снова ощутил любимый аромат холодного сандала.

<http://bllate.org/book/22229/2320655>